

Глава 2

СИМПТОМЫ

Если вам в руки попала эта книга, ваши шансы выжить в первую Луну резко повышаются.

«Пособие по выживанию для оборотней», с. 1

Новая неделя ворвалась в берлогу Туомаса вместе с кипевшей от негодования Кирси. Разбуженный лязгом замка, он беспомощно наблюдал из-под одеяла, как ее маленький желтый чемоданчик прямо с порога врезается в груды коробок от пиццы и безнадежно застревает. Впрочем, Кирси едва ли могла остановить такая мелочь: сбросив на ходу туфли, она шагнула прямо в центр комнаты и окинула студию пристальным взглядом жилищного инспектора.

— Томми, ты живой? Почему не позвонил из больницы, я ужасно волновалась! — Она летела ночным рейсом, но все равно примчалась из аэропорта свежая и полная сил. — Чем так воняет? Уборщица что, ни разу не приходила?

— И тебе привет. — Туомас поднялся и пяткой задвинул разряженный телефон под кровать.

Ветер трепал льняные полотнища задернутых штор, и на стенах то и дело мелькали солнечные сполохи, выхватывая из полумрака детали: столешницу из необработанного дерева, плетеные спинки стульев, зеркало в полный рост у вешалки и армию маленьких кактусов на комод. Кактусы носили соответствующие имена: Виисас, Ере, Люстикяс, Унелиас, Уе, Нуханеня и Вилкас*.

Кирси осторожно перешагнула груды мусора и наклонилась, подставляя губы для поцелуя. Туомас глубоко вдохнул и едва не потерял сознание: на него с ходу обрушилась смесь дорогих духов, слегка вспотевшего тела и самолетного санитайзера, приправленная ароматом зацветавшего под окнами жасмина.

— Ханна сказала, ты нарвался на бешеную собаку в лесопарке. — Кирси чуть отстранилась и наморщила нос. — Какой ужасный бардак! Клининг явно не стоит своих денег. А почему шторы задернуты? Мог хотя бы черкнуть сообщение, если тебе так плохо.

— А как же та фотка с больничной едой? — Туомас нырнул с головой под кровать в поисках пижамных штанов и заодно украдкой вытащил из пивного бокала пулыт.

— Какая фотка?

Несколько секунд он давился от смеха, прежде чем вылез наружу, наслаждаясь ее обескураженным лицом. Только сейчас Туомас не без труда вспомнил, что сам отменил уборщицу еще позавчера, но в остальном четыре дня после нападения зияли пустотой: вернувшись из больницы, он так и валялся дома, заедая сериалы и крикетные матчи пиццей и роллами.

— Мерзавец! — она тоже улыбнулась, но немного кисло. — И как я могла забыть, что встречаюсь с ретроградом, отрицающим соцсети?

* Viisas, Jörö, Unelias, Lystikäs, Nuhanenä, Ujo, Vilkas (фин.).

Пока Кирси в одной блузке заваривала латте, который у нее всегда получался приторным и совсем не бодрил, Туомас оглядел царивший вокруг беспорядок. Проходя мимо зеркала, он привычно расстегнул пару пуговиц и осмотрел плечо: от раны осталась едва заметная полоска и сейчас рубец выглядел так, словно все случилось несколько месяцев назад.

Кофемашина негромко чихнула, по комнате поплыл аромат свежемолотой арабики.

— Ты когда в магазине был последний раз? — Кирси полезла за молоком и ожидаемо наткнулась на пустые полки. — Хоть сливки еще остались. Во сколько твоя встреча сегодня? Поехали вместе до центра.

Встреча? Туомас подошел к окну, приоткрыл штору и тут же задернул: во дворе маячила знакомая фигура бродяги. Как и вчера, и позавчера. Незнакомец словно чего-то ждал, но стоило Туомасу высунуться в окно — тут же исчезал из поля зрения.

На подоконнике валялся ежедневник, и там действительно значилась встреча с новыми клиентами.

— В двенадцать. — Он взял у Кирси кружку и глотнул то невнятное, что получилось от беспорядочной связи крепкого кофе и порционных сливок. — Откажусь, пожалуй, от этого фонда. Одна морока.

По правде говоря, он даже не помнил, что им было нужно и чем конкретно фонд занимается. Но Кирси все равно нахмурилась:

— У тебя нет другой работы сейчас. Они потенциальные клиенты вдолгую, от таких не отказываются. Ты же так радовался их предложению.

Она осторожно коснулась затянувшейся раны на плече Туомаса, и тот вздрогнул. Никогда прежде ее духи не казались такими удушливыми, а кофе — настолько мерзким.

— Больно? — Кирси испуганно отдернула руку. — Кстати, тебе бы постричься, оброс ужасно.

Туомас кивнул — из зеркала на него уже который день тарачился какой-то битник.

— Все уже зажило. А с фондом я сам разберусь. Горбатиться на кого попало — плохой признак.

— Я и не предлагаю «горбатиться». — Кирси усадила его на кровать.

Солнечные блики играли на ее светлых волосах, оживляя личико с полупрозрачной кожей и едва заметной линией бровей. При первой встрече Кирси поразила Туомаса неиссякаемой энергией; он подумал, что с такой девушкой скучать не придется, и отчасти так и вышло. Но у каждой медали была обратная сторона.

Помолчав минуту, Кирси улыбнулась и решительно кивнула.

— Может, ты и прав. Давно пора надавить на наших пиарщиков — я им намекала еще месяц назад, и с тех пор тишина. На этот раз они от меня так просто не отвяжутся. Хороших копирайтеров найти непросто; какая им разница, кто будет писать бесконечные полотна о фондовых рынках? Почему бы не ты?

Taas sama juttu!* Туомас еле держался, чтобы не прополоскать рот от липкой горечи. Он отставил кружку и незаметно от Кирси сжал левую руку в кулак. Как же она раздражала этой непрошеной заботой и непременным желанием затащить его в кабалу какой-нибудь корпорации! Все попытки объяснить бессмысленность назойливой помощи наталкивались на непонимание и обиды. Туомас как мог избегал этой темы, но Кирси с упорством продолжала наступление.

— Звучит как-то слишком глобально, а? — пробормотал Туомас. — Не пришпоривай коней, Вишенка. Встречусь

* Опять та же история! (фин.)

с этими ребятами из фонда, поглядим друг на друга. Может, они и ничего.

Но Кирси было уже не остановить.

— Почему глобально, Томми? Хорошая работа на дороге не валяется. Почему каждое мое предложение ты принимаешь в штыки? — Она тоже отставила кружку и еще сильнее сжала его локоть. — У тебя отличные навыки: три языка, стажировка в посольстве, оконченный журфак и срочная служба! Почему ты не хочешь хотя бы попробовать? Сколько еще собираешься барахтаться на фрилансе без гарантий и роста?

— Не дави на меня. — Внутри нарастал горячий комок раздражения, и Туомас сдерживался изо всех сил, чтобы не дать ему волю. — Давай сменим тему. Может, поспишь? У нас есть еще пара часов, после ночного...

— Зачем ее менять? Этот разговор все равно состоится снова. Томми, ты просто невыносим со своим инфантилизмом!

Туомас резко выдохнул:

— Хочешь сказать, я недостаточно взрослый, чтобы решать, как и когда зарабатывать деньги?

Кирси резко встала с кровати. Ее щеки порозовели, она тяжело дышала — как обычно, хотела оставить последнее слово за собой. Кирси умела быть занозой, но именно это в ней и привлекало.

— Я просто хочу помочь, дорогой. Ты прекрасно справляешься, но... Каналы продвижения меняются каждый день, а ты застрял на этих допотопных порталах-агрегаторах и копишь дурацкие баллы репутации. Забудь о них! Людям нравятся люди, они хотят видеть не только отзывы, но и человека за ними. Тебя, Томми! Ты должен...

Терпение Туомаса лопнуло. Он схватил ее в охапку и повалил на кровать, нутром чувствуя, как раздражение растворяется в горячей волне возбуждения.

— Мы не виделись целую неделю, — прошептал он, глядя в гневные карие глаза. — Любые разговоры могут подождать.

— Томми, это подло, это...

Его пальцы уже расстегивали блузку, острые ногти впились ему в поясницу, и мир вокруг вместе со всеми проблемами перестал существовать.

Пару часов спустя желания идти на встречу так и не появилось, но Кирси, проиграв утренний раунд, собиралась оставить овертайм за собой. Ровно в одиннадцать она уже вышла из душа, притащила фен и принялась сушить волосы аккуратно рядом с кроватью.

Под ее пристальным взглядом Туомас натянул последние чистые джинсы, влез в приличного вида рубашку, сунул в карман бесполезный телефон и кое-как пригладил отросшие вихры. Кирси отдернула шторы, и теперь солнечный свет заставлял его щуриться; смахнув ладонью проступившие слезы, он изловчился вовремя убрать с подоконника подброшенную бродягой книгу себе в рюкзак.

В окна врываются оглушительный щебет птиц и запах цветущих каштанов; Туомас неожиданно понял, что различает в этой какофонии с десятков разных ароматов, вот только назвать не может. Это пугало.

В дверях он подвинул чемоданчик Кирси ногой и вспомнил, что так и не позвонил сестре с извинениями. Вообще ей не позвонил и отключил телефон; удивительно, что Ханна до сих пор не примчалась на поиски его холодного трупа.

Кирси взяла его под руку на выходе из подъезда и улыбнулась соседской паре.

— Это... животное уже нашли? Я пролистала новости перед выходом на посадку. Думала, напишут хотя бы в «Хесари»* — все-таки бешенство заразно... Видимо, решили не сеять панику.

Туомас нервно оглянулся на темневший вдаль лесопарк и покачал головой. С каждым днем он убеждался, что тварь вышла из этой схватки победителем. От беспомощной злости кровь прилила к шее; он ускорил шаг, вынуждая Кирси семенить следом на каблуках.

Турку накрыла необычайная для начала июня жара. Отрезанный от остального города лесопарком и развязкой, квартал напоминал выжженный плацдарм. Туомас и Кирси двигались через пустые дворы к остановке под аккомпанемент далекого автомобильного гула и щебет скворцов, с каждым шагом будто продираясь сквозь тяжелое марево, повисшее между домами. Туомас пожалел, что не надел простую футболку; Кирси изо всех сил делала вид, будто костюм и босоножки составляют с ее телом единое целое и нисколько не доставляют неудобств.

У проезжей части Туомас уловил движение на углу дома и остановился. Благодаря Кирси он успел позабыть про дурацкую слежку, но бродяга никуда не делся — Туомас бегом пересек газон, перемахнул через клумбу и в пару шагов оказался лицом к лицу с назойливым сталкером.

По-прежнему одетый в вонючие обноски, мужчина несколько секунд таращился на него в упор, а потом бросился бежать.

— Эй! — Туомас помчался следом, не обращая внимания на окрики Кирси. — Эй, подожди! Да стой же!

Но бродяга улепетывал со всех ног, и на границе квартала Туомас признал свое поражение и остановился.

* Helsingin Sanomat — крупнейшая газета Финляндии, выходит ежедневно.

Он оглянулся и с удивлением обнаружил, что пробежал полкилометра за минуту и даже не запыхался. Еще большим удивлением стало то, что он так и не смог догнать старика.

— *Skeida! Skeida!* — Туомас добавил пару крепких словечек и потрусил обратно, пока не вернулся к пылающей от негодования Кирси.

— Что это было?! — выпалила она. — Зачем ты погнался за бездомным?

Туомас выдохнул, порылся в рюкзаке и сунул ей под нос книгу про оборотней. Запах из потрепанного тома за четыре дня успел выветриться, но Кирси все равно сморщила нос, осторожно взяла книгу двумя пальцами и пролистнула.

— Что это? Какая-то новая секта?

— Этот чувак подкинул мне ее в почтовый ящик. Все хочу спросить, за каким чертом ему это понадобилось.

— И что там?

— Чушь собачья, очевидно же! — рявкнул Туомас и заторопился к переходу, разглядев на повороте подходящий автобус. — Ты же не думаешь, что я стану это читать!

— Не кричи на меня. Так почему не выкинешь?

Она направилась было к ближайшей урне, но Туомас подавил ядовитую реплику, вырвал у нее книгу и сунул обратно в рюкзак.

— Позже, опоздаем на автобус. Это тебе позарез надо в центр, не мне.

Кирси лишь сверкнула взглядом в ответ.

Всю дорогу оба молчали, словно пара нахохлившихся неразлучников. Туомас пытался вспомнить, в чем состояло задание от фонда, и прокручивал в голове стандартные условия: предоплата пятьдесят процентов, правки вносятся не больше двух раз, заказчик может не публиковать

написанный текст, а он включит его в портфолио после выхода из печати или через месяц после выплаты остатка. И пусть Кирси не мечтает, что он побегит пиарить свои тексты в социальные сети! Столько душевного эксгибиционизма, сколько он пережил в старшей школе, другим и за целую жизнь не испытать. Не хватало еще выворачиваться наизнанку онлайн.

Собрав пассажиров со всего района, автобус лихо взлетел на развязку и устремился к центру города. Внизу колыхалось темно-зеленое море злополучного лесопарка. Туомас уставился в окно, словно надеясь разглядеть следы напавшего на него зверя. Он уже не сомневался — тварь так и не нашли, а дожди смыли кровь и любые следы на песке и гравии. Возможно, уже слишком поздно; и он будет выглядеть полным дураком, если попытается привлечь внимание полиции.

Они расстались на центральной площади. Кирси легонько чмокнула Туомаса в щеку и коснулась плеча:

— Все забываю, что ты недавно из больницы. На себя не похож. Ничего, заживет. Созвонимся.

Он кивнул, рассеянно прикидывая, как уговорить ее не оставаться на ночь.

Лифт бизнес-центра, словно портал в иной мир, вознес Туомаса из прохлады полутемного лобби в царство духоты и бесконечного гула голосов. Путь к переговорной пролегал через анфиладу опенспейсов: в каждой клетушке сидел человек в огромных наушниках и старательно делал вид, будто вокруг него выжженная пустыня. Туомас ощутил себя персонажем в Дантовом аду, незаметно для всех скользящим по очередному Кругу, пока сквозь щели в закрытых жалюзи упрямо пробивался солнечный свет,

а клацанье сотни клавиатур сливалось в истинно inferнальную какофонию.

Вход в переговорную стерегла пара пустых ветвистых вешалок. Перешагнув порог, Туомас нутром ощутил, что ничего хорошего дальше не последует. Каждого из сидевших в комнате сопровождал особый, в равной мере невыносимый запах, но сильнее всего разило от высокого грузного мужчины лет сорока — луковым супом и отбивной. Он с заметной неохотой поднялся навстречу вошедшему, поправляя нелепый галстук с «Хелло Китти». Прикрыв за собой дверь, Туомас моргнул, убедился, что кошечка ему не привиделась, и непроизвольно расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Туомас Эрлунд? — Мужчина вяло пожал ему руку и плюхнулся обратно в кресло. — Я Пааво Саари, заместитель председателя. Это госпожа Турусен и госпожа Викхольм, пиар-менеджеры. Прошу, присаживайтесь.

Саари восседал точно по центру отполированного до блеска дизайнерского стола, помощницы держали оборону на флангах. Молодая полненькая Турусен с кричащим макияжем и плотным облаком цветочной туалетной воды сурово насупила брови; Викхольм — та, что постарше, — едва заметно кивнула Туомасу острым подбородком, на котором темнела капелька кетчупа. В одинаковых идеально скроенных брючных костюмах они казались валькириями, готовыми ринуться на защиту босса.

Вдыхая пореже, Туомас уселся напротив, достал из рюкзака распечатку с техзаданием и быстро пробежался по пунктам глазами. Он помедлил, но предложения чая или кофе не последовало.

— Сразу к сути? — не дожидаясь ответа, он взмахнул распечаткой. — Здесь указано, что основной акцент нужно сделать на цели фонда и побуждать читателей вкладываться

в его развитие. Но ничего не сказано о том, какая выгода ждет потенциальных меценатов.

Туомас легко переключился на официальный стиль разговора: армейская служба, а потом и практика в русском консульстве здорово поднатаскали его во владении речью — массивом слов, выстроенных по принципу минимального шанса для окружающих вникнуть в суть. Саари, поморщившись, что-то буркнул и переглянулся с помощницами.

Первой откликнулась Турусен:

— Участие в благотворительности само по себе сильная мотивация, господин Эрлунд. Не будем лишним раз это подчеркивать.

— Иначе могут подумать, будто мы давим на чувство долга, — поддакнула Викхольм. — Чужая совесть нас не касается.

Туомас пожал плечами и потянулся за бутылкой минералки. Окна переговорной выходили в закрытый внутренний дворик: даже без бинокля он легко различил силуэты в кабинете напротив.

— Отлично, вас понял. Сделаем акцент на том, как расходуются средства? — Туомас глотнул воды и закашлялся. — Добавим фотографий? Счастливые детишки или посылки с логотипом?

На другом краю стола сгустились тучи. Розовощекое лицо Пааво Саари заметно посерело. Туомас положил распечатку на стол. Может быть, стоило начать с гонорара? Или со сроков работы? Он так старался показать, что проект ему интересен, что засыпал заказчика вариантами и вопросами, словно в рюкзаке уже лежал подписанный договор.

— Слушайте, Эрлунд... — Саари снизошел до пояснений. — Вы копирайтер, вам нужно решить поставленную задачу.

— Я и пытаюсь решить задачу, — с нажимом ответил Туомас. — Я не печатная машинка, я выполняю работу наилучшим образом — то есть делаю текст таким, каким его захотят прочесть! Но без дополнительных данных это невозможно!

У обеих дам расширились зрачки: он явно закончил фразу громче, чем следовало. Саари ощутимо напрягся и чуть покраснел, напоминая свиной окорок в галстук с розовой кошечкой. Туомас на секунду зажмурился, но картинка так и стояла перед глазами.

— Вас не устраивает задание в текущем виде, Эрлунд? Вам вообще нужна эта работа?

Еще бы, а иначе какого черта он слушает весь этот бред? Туомас глубоко вдохнул, сделал глоток воды, и раздражение понемногу отступило. Он еще не забрал машину из сервиса, на счету осталось лишь на аренду квартиры в следующем месяце; и если так посмотреть, то Кирси права — ему нельзя отказываться. Он кашлянул снова и покаянно опустил глаза:

— Прошу извинить, это все жара. Конечно, заказ мне нужен. Детали всегда можно уточнить позже, по ходу работы.

Викхольм сделала Турусен еле заметный знак; обе чуть отодвинулись от стола и зашептались у Саари за спиной. Туомас разобрал слова «руки» и «странный»; скосив глаза, он обнаружил, что забыл постричь ногти. Пальцы сами собой сжались в кулаки; внутри все клокотало. Он смотрел прямо на окорок, занимавший место Пааво Саари, и медленно разрывал его на части воображаемыми клыками, пока не обнажилась розоватая, влажная кость.

Кто-то сдавленно охнул, иллюзия рассеялась. Туомас проглотил полный рот слюны и откинулся на стуле. Заместитель председателя теребил узел галстука, женщины

непонимающе переглядывались. Туомас потянулся к бутылке, но заметил, что она уже опустела.

— Какое-то прям недоразумение, на что ушло столько времени? — промямлил Саари, избегая смотреть в его сторону. — Мы по возможности рассмотрим ваши предложения, господин Эрлунд. Безусловно, мы тоже хотим получить результат в наилучшем виде. Перейдем к договору и срокам...

Но как можно обсуждать сроки, когда за столом сидит окорок? Туомас резко поднялся, снова перепугав дамочек. Часть его сознания билась на задворках, взывая к логике и здравому смыслу. Туомас очень хотел послушаться — но не мог. Этот снисходительный тон, эта уверенность в собственной правоте... Он едва различал фигуры за столом сквозь застывшую глаза пелену животной ярости. Он едва сдерживался, чтобы не... чтобы...

— Мои предложения вас ничуть не волнуют! — Туомас отшвырнул стул в сторону. — Для вас главное — бумажки и сроки! Люди должны нести вам денежки, но вы — о нет! — вы не станете им рассказывать, куда их потратили! Благодарительность не нуждается в огласке, так? Главное — вы куда-то кому-то заплатили и спите спокойно, фонд обо всем позаботится! Удобная сказочка для наивного мецената. А вы сами-то знаете, куда уходит вся эта «помощь»? Или главное — вовремя сдать отчетность? К черту все! Забирайте свое задание и договор, можете хоть потереться ими! *Adiós.*

Он вылетел из комнаты, с трудом сдерживая шаг. На обратном пути его провожали десятки любопытных глаз, изумленных бесцеремонным вторжением в рутину опен-улья. Только в лифте Туомас позволил себе выдохнуть и закрыть глаза.

*Perhana!**

* Дьявол! / Черт! (фин.)

Заказав на выходе двойной эспрессо, он втянул аромат всей силой легких и наконец поборол мерзкий запах лукового супа. С первым глотком накатило осознание произошедшего, и, несмотря на июньское солнце, рубашка мгновенно прилипла к ледяной спине. Что за безумие на него нашло? Что за окорок и прочая муть? Неужто так подействовали запахи и жара?

Туомас залпом допил кофе и побрел к автобусной остановке. Внутри словно щелкнул тумблер: бешеную злость сменила апатия, все силы уходили только на то, чтобы переставлять ноги. Разогретый асфальт лип к подошвам, макушку немилосердно жалило солнце. Туомас рухнул на скамейку, крепко прижимая к животу рюкзак.

Это все из-за утренней встречи... Нужно раз и навсегда разобраться с навязчивым бродягой. Сев в автобус, он еще раз пролистал подкинутую книгу. «Пособие по выживанию...» Неужели подобный бред кто-то продает и покупает? Даже так: кто согласится подобное напечатать? Он убрал книгу и посвятил оставшийся путь одной мысли: станет ли Пааво Саари писать негативный отзыв, несмотря на то что работа не состоялась? И если да, как это отразится на его рейтинге?

Туомас сошел на остановке и огляделся. Отцветавший куст сирени у подъезда напоминал подгоревшую шапку сахарной ваты, а за сплетением ветвей упорно маячили знакомые лохмотья. Больше никаких погонь — тут он незнакомцу не соперник. Туомас сделал несколько осторожных шагов, разглядывая бродягу, прежде чем понял, что тот весь дрожит.

— Эй... — он вытянул руку, замерев в десятке метров. — Не убегайте. Я ничего вам не сделаю.

Незнакомец в ответ зашелся гортанным, рваным смехом. Глубокие морщины превращали загорелое лицо в ритуальную маску древнего жреца; на фоне обветренной

кожи безумным огнем горели ярко-синие, запавшие глаза. Если бы не утренняя пруть, Туомас дал бы ему не меньше шестидесяти.

— Ничего не сделаешь... — повторил бродяга и закашлялся, сжав кулаки. — Ничего не... Конечно, ты уже ничего не сделаешь! Я сам все сделал, хуже некуда!

Он схватился за голову и тихонько завыл. Туомас пожалел о разряженном телефоне — самое время вызывать скорую.

— Книга! — спохватился сумасшедший. — Книга еще у тебя?!

Туомас растерянно кивнул, не зная, может быть, пора самому делать ноги. Вид у незнакомца был такой, словно за неправильный ответ тот готов разорвать его на куски.

— Читай ее! От корки до корки читай! Время еще есть, еще немного. Слышишь? В книге все сказано.

— Кто вы такой? — Туомас не без труда заставил себя шагнуть вперед. — Что это значит?

Он думал, что бродяга ринется наутек, но ошибся. Тот резко приблизился и схватил его за ворот грязными, потрескавшимися пальцами.

— Если ты не сделаешь в точности, как там написано, — тебе конец. Читай от корки до корки!

Туомас невольно отпрянул. Через мгновение сумасшедший уже улепетывал прочь, и догнать его не было никаких шансов.

Кошмарный понедельник оказался лишь началом.

Каждый день Туомас просыпался в злом раздражении, которое набухало внутри, словно опухоль. Не помогали ни кофе для бодрости, ни снотворное от усталости, ни телевизор от всего сразу. К обеду его нервы играли вместо

тревожных дисгармоний Гершвина болезненные, рваные ритмы Шенберга. Уваривая кофе до вязкости каши, Туомас изо дня в день урывками искал новых заказчиков, мониторил отзывы, рассылал отклики на вакансии, но ответы приходили редко и лишь усиливали тоску и злость.

К пятнице он все-таки заказал клининг и неохотно вышел прогуляться: спустя четыре часа квартира сияла как новенькая, но Туомас, перешагнув порог, тут же вылетел обратно и бродил по городу до самой ночи. Потом весь следующий день и еще один, пока запах чистящих средств не выветрился полностью. Он перестал выбираться в центр и перешел на доставку готовой еды, а любимые прежде кофейни и пабы превратились в пыточные аттракционы: только перешагнув порог, он уже мог сказать, когда и что ел каждый человек в зале, каких животных содержал и как давно не мылся.

Очередная ссора с Кирси не заставила себя ждать — она же оказалась последней. Доставка, клининг и реклама копирайтинга довели баланс на счету до нуля, и Туомас все-таки влез в заначку. Отложенные на отпуск деньги неотвратимо таяли. Спустя неделю он уже не помнил, как вышло, что вместо логичных объяснений вынужденных трат на голову Кирси вылилось столько брани, что девушка в ужасе отпрянула, подхватила сумочку и захлопнула за собой дверь. Навсегда. Прячась за шторой, Туомас трусливо провожал ее взглядом до такси, но, вопреки ожиданиям, совершенно не ощутил тревоги, а позже так и не собрался позвонить с извинениями.

Убедившись, что злость не сдает позиций, а кофе превратился в неработающий наркотик, Туомас прибег к давно испытанному способу и отправился к психологу. С четырнадцати лет он успел побывать у многих, и для него мозгоправы не были ни шарлатанами, ни волшебниками. Никто из них не владел чудесным настоем, вызывавшим

потерю памяти, — но спустя годы Туомас испытывал к ним благодарность за попытки.

На визит ушла немалая сумма, но Туомас перестал беспокоиться о деньгах. Без работы его сбережения стремительно превращались в ничто, а потому спасение от напасти стоило любых средств. Но в этот раз — как и во все прочие — чуда не случилось. Стареющая дама в пенсне усадила его на дизайнерский стул и долго расспрашивала о детстве на островах, военной службе и отношениях с сестрой. Когда по итогу она искусно подвела черту под типичным проявлением эдипового комплекса, Туомас не поверил своим ушам. Возможно, стоило прочесть отзывы в соцсетях, как обычно советовала Кирси, но теперь было поздно. Разозлившись, он одной фразой донес до испуганной хозяйки кабинета все, что думал по поводу ее выводов. Дама присмирела и назначила новую встречу.

Туомас предпочел не явиться.

Вместе с июлем в Турку пришли дожди и порывистый ветер. Сорвалась очередная сделка, на которую он с таким трудом заставил себя выйти из дома. Вернувшись, Туомас глянул на календарь — со злосчастной ночи в лесопарке прошло ровно четыре недели. Он сдвинул плотнее армию кактусов, заслоня фоторамки с Кирси и Ханной, сварил еще одну — пятую за день — чашку кофе, включил первый альбом «Металлики» и решил наконец-то открыть подброшенную бродягой книгу про оборотней.

Все это время она провела в рюкзаке, словно бесполезный талисман: потрепанный мягкий переплет, разлохмаченные уголки обложки и чуть больше трехсот страниц, пожелтевших и почти прозрачных. Ее бывший владелец за три недели ни разу не попался Туомасу на глаза — но дела шли все хуже, и теперь исчезновение сумасшедшего казалось дурным знаком.

На первой странице его встретили большие буквы в рамочке: «Если вам в руки попала эта книга, ваши шансы выжить в первую Луну резко повышаются». Туомас пролистнул содержание и начал читать. Связный вопреки ожиданиям текст казался затейливым сборником городского фольклора о нечисти в современном мире.

Проглотив первую главу, он начал вторую; увлекшись, почесал заросший подбородок и вскрикнул — на ногте расплывалось красное пятнышко, кожу саднило. Рука потянулась к тележке в изножье кровати: Туомас перестал убирать маникюрные ножницы в ящик стола и всегда держал их поблизости. Кофейная чашка, жалобно тренькнув, покатилась по зеркальной столешнице. Вытерев лужицу, Туомас не слишком удивился, когда обнаружил, что ранка под губой уже полностью затянулась.

Еще недавно ногти росли как-то медленнее; спустя две пары дырявых носков он догадался, что стричь их раз в неделю недостаточно, и перешел на режим через день. Из ванной исчез пузырек с перекисью: любой порез превращался в едва заметный след быстрее, чем Туомас успевал достать ватный диск. Он стал бриться каждый вечер, после душа, но по утрам из отражения на дверце шкафчика все равно таранился всклокоченный рыжий мужчина лет на десять старше с отросшими до плеч патлами и заметной щетиной.

И вот теперь в этой странной книге по выживанию для оборотней Туомас нашел сразу все: и вспышки гнева, и ногти, и болезненную чувствительность к запахам, и мгновенное заживление ран. Книга обещала, что скоро он станет метить углы и предметы, словно собака, — придется следить за ширинкой на людях. И все же, и все же... Мысль о том, что в лесопарке его укусил настоящий оборотень, казалась бредовой некуда.

Если бы не одно «но».

Других причин, чтобы объяснить все и сразу, у Туомаса не нашлось. К шести вечера он проглотил книгу целиком, к восьми перечитал избранные места еще раз с чувством, будто автор стоял у него за плечом целый месяц... Но тогда выходило, что сегодня в полночь он превратится в безумного зверя. Мозг отказывался в это верить.

Туомас вымыл чашку и заварил вместо кофе чай — черный, с тремя ложками сахара. Нервозность усилилась: он то и дело принимался листать книгу, открывая в любом месте и обещая себе не принимать всерьез ни одной фразы, но сомнения лишь росли, пока за окнами медленно угасало июльское солнце. Макушки деревьев чернели на фоне сизо-багряного неба, вдали тревожно кричали чайки — близилось полнолуние.

Без пяти десять в дверь постучали.

— Ханна! — Он застыл посреди квартиры, словно нашкодивший малолетка. Стук повторился. На этот раз тише.

Туомас распахнул дверь и не сильно удивился, увидев на пороге того самого сумасшедшего бродягу.

— Позволишь? — Мужчина переминался с ноги на ногу, не решаясь войти.

Туомас посторонился, пропуская гостя. Тот явно приготовился к встрече — сменил одежду на чистую, принял душ, и от прежнего облика остались только запавшие глаза и ключья седых волос.

— Я так и думал, что ты можешь появиться. — Туомас совершенно не испытывал страха перед незнакомцем. — Садись за стол, я как раз думал заварить...

Мужчина резко шагнул вперед, оборвав его на полуслове.

— Ты же прочел ее, так? Скажи, что прочел! Не представляю, как успею тебе объяснить... — Гость в панике поискала глазами часы.

Туомас медленно выдохнул, но решил держаться до последнего. Нельзя позволять раздражению диктовать условия.

— Можно и представиться для начала. Я Туомас...

— Значит, не читал!

Туомас прошел в комнату и вернулся с книгой.

— Читал. Но ты...

Бродяга выхватил томик, пролистал до конца и ткнул заскорузлым пальцем в карандашную надпись на задней обложке, куда Туомасу и в голову не пришло заглянуть.

«Если понадобится помощь, звони. Найджел Уотерби».

Дальше следовал набор цифр.

«Значит, британец», — Туомас кивнул сам себе.

— Далековато забрался от родных мест.

Найджел прошел за ним к столу, скользнул взглядом по полке с фотографиями и армией кактусов. Потом неловко притулился на стуле и пожал плечами.

— Здесь меньше людей. Меньше риск. Где твоё укрытие?

Туомас передумал предлагать ему чай.

— Запру окна и дверь, ключ спрячу подальше. Четвертый этаж, так что...

Найджел вскочил так резко, что Туомас едва не подпрыгнул.

— Ты так и не понял! — хрипло вскричал англичанин. — Ты не можешь обернуться в квартире, ты все здесь уничтожишь! — Его взгляд еще раз метнулся к зеркалу и кактусам. — Соседи услышат вой и грохот, вызовут полицию. Я давно понял: Финляндия — тихая страна, пока никто друг друга не трогает. Дверь взломают, пара выстрелов — и ты труп.

Он устало рухнул обратно на стул.

— Потому-то многие и гибнут в первую Луну. Тебе нельзя оставаться здесь, Том. Это верная смерть.

Туомас проглотил ругательство; по ходу странной беседы рассудительность постепенно уступала злости. За окном

стемнело. Снаружи доносились легкий шелест жасмина и приглушенный гул автострады. На секунду Туомасу показалось, что он видит квартиру в последний раз.

— Знаешь что? У меня отличная идея, Найджел. Оставайся тут. Места для двоих предостаточно, вот и посмотрим...

На секунду в глазах бродяги мелькнула надежда и тут же погасла. Найджел зарычал, схватил Туомаса за воротник футболки и притянул к себе:

— Идиот! Все ему шуточки! Я пытаюсь спасти твою жизнь, остолоп! Да, я тебя укусил, и мне жить с этим дальше, но если ты сегодня умрешь, то из-за своей упертости, а не по моей вине. Ты пойми, это был я! Я сделал тебя таким...

Туомас легко оттолкнул его, подивившись собственной силе. Однако Найджел не отлетел к стене, а удержался на ногах и зашелся хриплым кашлем.

— Ты не в себе, — процедил Туомас, доставая телефон, на этот раз полностью заряженный. — Я звоню в полицию. Пусть они решают, куда тебя отправить. Я пытался похорошему, но вижу, что ты не контролируешь...

— Не веришь мне, — перебил его оборотень.

Он уселся обратно за стол и аккуратно пригладил заломленную обложку книги. В квартире воцарилась неловкая тишина. Туомас застыл с телефоном в руке, так и не набрав простейшую комбинацию. Гость, задумавшись о своем, смотрел куда-то мимо него, пока наконец не тряхнул взъерошенной шевелюрой.

— Ты не веришь, и это твое право, Том. Я не должен здесь быть — вся информация у тебя есть. Но выбор есть выбор, что ж, не идти же на попятный. Тебе страшно. — Он похлопал по томику ладонью. — Слишком много сошлось для простого совпадения, а? Даже злость — это всего лишь выброс ликантропина, как и рост волос, нюх,

социальное дистанцирование. Но разум не верит, не готов поверить в такое. Задавай свои вопросы.

Оба одновременно посмотрели на часы. Гнев куда-то испарился: пару минут назад англичанин вызывал у Туомаса лишь презрение и жалость, но сейчас они напоминали случайных попутчиков в ночном поезде, сцепившихся языками о чем-то будничном. Он уселся на край кровати и поднял на бродягу глаза:

— Сколько еще... таких, как ты?

Найджел удивленно вскинул брови:

— В Финляндии? В мире?

— Первое.

— Никто не считал. Это же все бюрократия, Том, а для нее нужна власть.оборотни живут по законам той страны, где решили укрыться. Не верь сказкам про альфа-самцов и армейские порядки. Стая... это хорошо, но редко срывается в реальности. Большинство из нас одиночки.

— Но в книге сказано, — Туомас потянулся за томиком и легко нашел нужную страницу, — вот здесь, автор говорит, что нужно стараться привести новичков в ближайшую Стаю, потому что...

Найджел вздрогнул, потом печально улыбнулся:

— Мне бы такую память, даже страницу нашел! Что ж, полагаю, это простительный идеализм. Возможно, автору просто повезло со Стаей.

Минуту Туомас пытался придумать, о чем еще можно спросить сумасшедшего. Он ни секунды не верил во всю эту чушь — но гость оставался спокоен, пока они говорили о книге и оборотнях.

— Ты ведь никому не сказал? — Найджел бросил еще один тревожный взгляд на часы.

— Сказал? Об... Нет, никому, — Туомас хмыкнул. — В больнице меня хотели обследовать, еле вырвался. Это ведь ты навещал меня рано утром?

Удачно, что в финском нет местоимений для общения с незнакомцами, особенно теми, кто тебя старше. Как, впрочем, и в английском. Он мысленно прикинул, как скоро они бы перешли на «ты», общаясь на русском. Туомас так и не смог постичь все нюансы вежливой формы, когда стажировался в консульстве, но не оставил привычки нащупывать невидимую грань при новых знакомствах*.

По мнению Найджела, они в одной связке — в ловушке полнолуния, из которой новичку без помощи наставника живым не выбраться. Должен ли Туомас ставить его выше по статусу? Или они уже достаточно знают друг о друге, чтобы опустить формальности?

Задумавшись, он пропустил ответ Найджела, о котором по факту ничего так и не узнал.

— Ты живешь далеко отсюда? Один?

На часах звякнуло одиннадцать вечера. Англичанин вздрогнул и поднялся, не ответив.

— Времени уже не осталось, Том. Все остальные ответы — завтра или когда захочешь. Уходить надо прямо сейчас.

Туомас, потеряв остатки терпения, тоже встал и указал на дверь:

— Проваливай. Сейчас же.

Он не хотел звонить в полицию и уж тем более не хотел выставять непрошеного гостя силой. Этого еще не хватало. Найджел сделал шаг к выходу и остановился; в ярком свете лампы его морщины стали глубже, придавая лицу нечеловеческий вид. Туомас ощутил укол совести — он выгонял на улицу человека, очевидно, бездомного, больного и одинокого.

* В финском языке нет вежливой формы для единственного числа (как и в английском), а также нет разницы между местоимениями мужского и женского рода.

Найджел тем временем покорно дошел до двери:

— Спасибо, что не стал никуда звонить. Возможно, мы еще сможем поговорить.

— Да-да, непременно, — Туомас кивнул, подавляя жалость к старику.

— Подожди... так странно. Что это вспыхнуло сейчас за окном?

Туомас обернулся, и тут же сильнейший удар по голове будто выключил ему зрение и слух. Падения он уже не почувствовал.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

